

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
В ПЕРСПЕКТИВЕ СОЦИАЛЬНОГО МИКРОАНАЛИЗА**

М.О. Кудрявцева

**ДРАМАТУРГИЯ ПОПРОШАЙНИЧЕСТВА:
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
ПОВСЕДНЕВНОЙ ПРАКТИКИ**

Современное нищенство в России очень редко становится объектом социальных исследований. Вероятно, объяснить невнимание к данной проблематике можно неприглядностью темы и безразличным отношением к поставителям *underclass*, «самым бедным и опустившимся людям», поскольку в общественном представлении нищенство существует именно как крайняя форма бедности или как характеристика унижительного, недостойного человека существования.

В западной дискуссии попрошайничество (*begging, panhandling*) относят к ряду таких маргинальных форм поведения, как «бездомность», «алкоголизм», «наркотизм». Оно является объектом внимания антропологических исследований, фокусом которых выступают сообщества бездомных со своей субкультурой, правилами поведения и неписаными законами. Однако следует заметить, что даже в работах западных исследователей попрошайничество упоминается, скорее, как стратегия выживания *underclass*, бездомных и бродяг, но не становится предметом глубокого анализа [1; 2; 3]. Новую перспективу предложили английские исследователи, рассматривающие попрошайничество как экономическую стратегию, появившуюся, вернее возродившуюся, в результате глобализации, которая является прежде всего экономическим процессом, ведущим к трансформации рынка труда и появлению новых сфер занятости [4, p. 84].

Кудрявцева Мария Олеговна — аспирантка Европейского университета в С.-Петербурге, ассоциированный сотрудник Центра независимых социологических исследований.
Адрес: 191002, С.-Петербург, а/я 55, Центр независимых социологических исследований.

Тел./факс: (812) 321-10-66.
E-mail: maria_kudriav@mail.ru

Этот вывод дает основания отнести к попрошайничеству более комплексно, как к феномену, опосредованному социальной и экономической системами.

В России нищенство как социальная проблема, требующая досконального изучения, привлекала к себе особенно большое внимание до революции. Попыткой ответить на вопрос о причинах, происхождении и формах нищенства занялись ведущие обществоведы того времени: Н. Костомаров, А. Забелин, И. Прыжов, Д. Линева, Е. Максимов, А. Бахтияров, А. Левинстим и др. Этот период можно обозначить как первый этап социологического осмысления феномена попрошайничества в России: предлагались различные типологии нищенства, выводы подкреплялись полевыми исследованиями «нищенских гнезд», опытом личных бесед и наблюдений. Д. Линева собирала свои сведения методом классического включенного наблюдения — с погружением в изучаемую среду и принятием на себя определенной роли. Краткое обобщение этих исследований отражено в статьях И.А. Голосенко [5; 6].

В советский период исследования нищенства отсутствовали. Обсуждение этого феномена было невозможно, поскольку полагалось что в СССР нищенства не может быть по определению, хотя 209 статья УК СССР, отмененная в 1991 г., предусматривала наказание в виде тюремного заключения до 3 лет за попрошайничество и тунеядство. Вероятно, попрошайничество при храмах и на кладбищах расценивалось как пережиток уходящей эпохи.

В 1994 г. под руководством профессора Я.И. Гилинского девять специалистов в течение недели проводили опрос и наблюдение в местах, облюбованных «побирающейся публикой». Однако материал, собранный исследователями за такой короткий период, позволил им свести полученные результаты лишь в статистическую таблицу [7]. Годом ранее Ф.Н. Ильясовым и О.А. Плотниковой исследование проблемы нищенства было проведено в Москве. В результате авторы предложили рассматривать феномен нищенства с двух сторон, понимая его как систему, представленную двумя составляющими — «просящей» и «подающей». Анализ полученного материала позволил исследователям вывести типологию причин подавательного поведения, а также проследить взаимосвязь между имиджем попрошайки и количеством получаемых им подаяний. Авторы выдвинули тезис о том, что «в 90-е годы есть основания считать нищенство одним из видов занятости», однако это важное замечание никак не было обосновано [8, с. 150].

Задача данной статьи — попытаться описать феномен попрошайничества, используя элементы драматургического подхода Э. Гоффмана. Фокусом исследования является взаимодействие между нищим и подающим, целью — раскрытие и описание манипуляционных техник, используемых нищими в своей деятельности. Сознательная авторская позиция заключается в игнорировании основной идеи Э. Гоффмана — рассматривать структуру личности индивида с позиции драматургической социологии. В этом исследовании не будет анализироваться личность нищего или прохожего. Смысл применения «театральной метафоры» заключает-

ся в упорядочении и попытке аналитического осмысления внешне наблюдаемого поведения, а не только этнографического описания.

Отметим, что данная статья является частью более крупного проекта, анализирующего попрошайничество как экономическую стратегию в области моральной экономики, т.е. отношений обмена, обусловленных контекстом культуры, общества и государства [10, S. 15]. Предположения об успешности такой экономической стратегии нашли свое подтверждение в ходе полевых наблюдений. Удалось обнаружить, что в некоторых случаях попрошайничество способствует не только выживанию, но и ведет к поддержанию уровня жизни, скорее соответствующему представлениям об уровне жизни среднего класса, нежели правилам и привычкам *underclass*.

Применение на первом этапе исследования драматургического подхода Э. Гоффмана встраивается в общий аналитический аппарат в изучении интересующего нас феномена, так как он не противоречит принципам социально-экономической традиции в ее взглядах на человеческое поведение. Субъект, по Гоффману, рационален и гибок в своих действиях. Он выстраивает свою линию поведения в режиме обмена взаимными впечатлениями с окружающими. В результате обмена человек получает нечто ему необходимое.* Данная концепция может быть встроена в неоклассическую экономическую школу с ее образом человека как REMM-модели: «resourceful, evaluative, maximizing man», т.е. изобретательного, оценивающего и максимизирующего человека [12, с. 55]** Анализ успешно функционирующих практик в пространстве социального явления попрошайничества поможет выйти на структурные условия, делающие возможной эту форму экономических отношений.

* * *

Прежде чем перейти к изложению полевого материала, следует уточнить содержание таких ключевых понятий как «нищий» и «попрошайка».

Понятие «нищий» всегда заключало в себе двоякий смысл: с одной стороны, в православном христианстве нищие олицетворяли идею праведности, с другой, — их одновременно подозревали в мошенничестве. Часто в современном русском языке слово «нищий» служит для обозначения фактически бедного человека, а в связи со словом «попрошайка» возникает образ мошенника. Очевидно, основание для такой трактовки заложено в переосмыслении попрошайничества в рамках Уголовного кодекса СССР. В текстах дореволюционного периода нет четкого оценоч-

¹ Самого Э. Гоффмана нередко упрекали в эгоизме и негуманистическом взгляде на человека, который, по его теории, обеспокоен лишь желанием показать себя с нужной стороны и создать в восприятии публики выгодный себе образ [11].

² Многие направления социальной мысли XX в. испытали на себе влияние неоклассической экономики (прагматического институционализма), заложив утилитаристские предпосылки в основы таких теорий, как школа *public-choice* в политических науках, «теория равновесия» в психологии, «теория обмена» в социологии, а также в истории и правоведении [12, S. 22].

ного разделения понятий «нищий» и «попрошайка»: нищие занимались попрошайничеством [13; 14; 15]. В словаре Брокгауза и Эфрона слово «нищенство» употреблено в качестве уголовно-юридического термина, а слова «попрошайничество» в регистре нет вообще. Смена режимов повлекла за собой изменения в тезаурусе: в мире социализма необходимость в понятии «нищенство», обозначающем явление общественной жизни, отпала сама собой. В официальный советский дискурс пришел термин «попрошайничество», зафиксированный в уголовном праве и подразумевающий под собой «уклонение гражданина от общественно-полезного труда, проявление паразитизма» [17, с. 29]. Но явление, а вместе с ним и слово, его обозначающее, продолжали существовать и в советский период, однако они были переосмыслены в соответствии с нормами советской морали, что отразилось в своеобразной политизации значения «нищенства», придание ему идеологического оттенка.

Для данного исследования целесообразно использовать дореволюционное смысловое поле, сложившееся вокруг понятия «нищенство». Формула «нищие занимаются попрошайничеством» не противоречит выбранной для данной статьи теоретической рамке — драматургической социологии. По Э. Гоффману, схема роли, т.е. поведение, выстраивается соответственно статусу [9, с. ПО]. Попрошайничество — это практические действия, которые выполняются в соответствии с общественной позицией «нищий». В общем жизненном спектакле, в ситуации, не выходящей за пределы нормы, человек не расчленяет происходящее на статусы, и соответствующее и несоответствующее поведение: мир воспринимается как целое. Поэтому в данной работе я буду употреблять обе категории, подразумевая, что они вызовут у читателя соответствующие ассоциации с образом человека, который просит на улице деньги.

Методы. Представленный в статье материал был подготовлен по результатам наблюдений, проведенных в Петербурге в период с января по август 1998 г. и в апреле—мае 1999 г. Специфика исследуемой темы потребовала применения качественных методов, поскольку формальный опрос игнорирует саму возможность установления доверительных отношений между информантом и исследователем, предполагающих определенную степень открытости информанта относительно «нюансов» его роли. Основными методами работы стали наблюдение, преимущественно участвующее, при котором все информанты знают о моем статусе исследователя, а также неструктурированные интервью в форме свободной беседы. Помимо «участвующего наблюдения», в исследовании также применялся метод «скрытого наблюдения», когда просящие милостыню люди не знали о присутствии наблюдающего за ними социолога. Документальная работа фиксировалась в дневнике наблюдений.

Законы жанра. Прежде чем ввести читателей в мир спектакля под названием «Попрошайничество», необходимо объяснить законы, по которым творится действие. Каждый актер, занятый в спектакле — как нищий, так и подающий — имеет роль. Эти роли существуют независимо от актеров. Они широко известны и узнаваемы. Актер может импрови-

зирать в пределах своей роли, но лишь пока публика будет согласна принять его интерпретацию: зритель не любит, когда его сбивают с толку. Задача актера — сыграть так живо и убедительно, чтобы у зрителя не возникло сожаления о потраченном времени или деньгах. Индивидуальное исполнение, т.е. презентация, должно соответствовать ожиданиям публики, опираться на сценарный план.

Роль попрошайки, человека, который просит на улице деньги, — довольно жестко нормированное действие, опосредованное самым низким общественным статусом «нищий». Поэтому поведение людей, занимающих эту статусную нишу, должно быть тихим и скромным. Они не должны смеяться, громко разговаривать или пить пиво. Нищие могут просить, но не должны требовать. Для успешности представления нищим необходимо соответствовать неким клише, представлениям об экстремальной бедности, обездоленности и беспомощности. Многие из опрошенных во время исследования прохожих отвечали, что агрессивные и наглые нищие, из тех, что говорят: *«мало, надо добавить еще пятерочку»*, или *«смеющиеся дети»* (те, что просят *«на покушать»*) вызывают раздражение, так как подобное поведение не соответствует клише образа нищего, сложившегося в общественном сознании, образа нищего.

Роль «пенсионерки». Я познакомилась с этой пожилой женщиной в самом начале своего исследования. Возможно, то обстоятельство, что она не выглядела как «настоящая нищая» обусловило мое решение выбрать именно ее для своего первого вхождения в поле. Она стоит в одном из питерских подземных переходов со своей собачкой, одетой в костюм «барыни на вате». Несмотря на присутствие собачки, которая сразу наводит на мысль об известных способах попрошайничества при помощи животных (когда просят «на приют» или «на корм собачке», лошадке, обезьянке), я бы не стала так однозначно формулировать применяемую женщиной стратегию, хотя, безусловно, животное играет немаловажную роль в этом спектакле, являясь, скорее, реквизитом, о влиянии которого будет сказано ниже. Спектакль, который играет женщина, — не об экстремальной бедности. Ее презентация, пожалуй, определяется типом «пенсионерка».¹

Г.П. (назовем эту женщину так) исполняет роль бедной, но не потерявшей своего достоинства пенсионерки, и в соответствии с этой ролью она выбирает определенную форму поведения, жестикуляцию, мимику: ее глаза никогда не опущены вниз, взгляд не бывает «бессмысленно уставлен в пустоту», что можно заметить у многих просящих подаяние людей. Всем своим поведением Г.П. демонстрирует что отличается от «нищих», она никогда не будет просить деньги «с протянутой рукой», никогда не

* Описывая этот случай, я испытывала определенного рода сложности с употреблением таких стигматизирующих категорий, как «нищий» или «попрошайка», что связано с очень хорошими, почти дружескими отношениями с информанткой, которая не считает себя попрошайкой или нищей. Однако я решила руководствоваться своим впечатлением: когда я увидела ее впервые, я истолковала происходящее именно как прошение денег.

совершит этого жеста.* Ее поведение можно описать словами: «достойно», «тихо», «вежливо», «ненавязчиво». Она считает «неприличным»¹ сидеть во время «работы». Возможно, таким образом она пытается сознательно оперировать социальным пространством, социальной дистанцией, оппозицией «верх — низ»: Г.П. не хочет смотреть на прохожих снизу вверх. Она пытается конструировать социальное пространство между собой и прохожими как равная с равными.

К характеристикам роли, исполняемой Г.П., следует добавить и «интеллигентность», которая трактуется как определенная совокупность неких идеальных представлений об интеллигентном человеке. Г.П. активно использует эти представления в своей работе, поскольку она оказывается перед необходимостью постоянно поддерживать этот свой образ. Она воплощает собой саму доброжелательность, понимание, участие, аккуратность. Она никогда не конфликтует, не скандалит, что позволяют себе делать другие люди, просящие подаяние. У нее другой спектакль. Одна из прохожих женщин, «зрительница», хвалила Г.П.: «И все у Вас культурно: и подстилочка, и тарелочка...». Г.П. необходимо постоянно контролировать свое поведение, не давать волю эмоциям. Так, я неоднократно наблюдала ситуации, как прохожие ругали ее за то, что она мучает свою собаку. Моя респондентка никогда не вступала с ними в спор. Если же прохожие останавливались с ней поговорить, она внимательно их выслушивала, никогда не противоречила, только соглашалась, даже если у нее «ужасное настроение» и «совершенно не хочется ни с кем разговаривать». Она может долго рассуждать о собачьих рефлексах или о том, что современную молодежь надо перестрелять, потому что они «сволочи» и «не хотят работать». Уже потом «за кулисами» она скажет мне, как устала от этого: «Думала, этому конца не будет». Но рисунок роли диктует такое поведение.

Презентация Г.П. оформлена как цирковое шоу, в котором «все аплодисменты» принадлежат маленькой собаке. Она маркирует ситуацию, привлекая к себе внимание. Если бы не собака, то ситуацию было бы сложно определить как «прошение денег», поскольку внешний облик и манера поведения Г.П. могут подходить и ко многим другим ролям: пожилая женщина устала, слегка прислонилась к стене, отдыхает или кого-то ждет. Собака — это «реквизит», помогающий определить ситуацию, создающий наравне с прочими «декорациями» определенную атмосферу: стоит «спрятать» собаку в тележку и убрать блюдо для сбора денег, сцена принимает совершенно другой характер. Г.П. знает это и умеет манипулировать производимым впечатлением, например, когда проходит милиционный патруль («А пусть они думают, что мы просто стоим и разговариваем», — говорит она, пряча собаку в сумку). Можно предположить, что при стигматизированных позициях декорации и реквизит частично разделяют «ответственность» и «перекладывают вину» с исполнителя роли на себя. Так, возможно, блюдо заменяет руку не только потому, что

* Хотя любую емкость для сбора милостыни можно интерпретировать как «протянутую руку»,

¹ Курсивом и кавычками выделены слова самих информантов.

руку тяжело постоянно держать протянутой, но и потому, что заменяет унижительный жест «протянутой руки». Так уличные музыканты и актеры обходят публику с шапкой, а не с протянутой рукой.

Представление готовится дома, «за кулисами»: там собаку наряжают и к «рабочему» месту привозят в сумке на тележке. Сумка на тележке — это важное функциональное оборудование, вспомогательный реквизит, невидимый на одной сцене и определяющий ситуацию на другой. Так, я уже отмечала выше, что при приближении милиции собаку прячут в сумку, в результате чего ситуация сразу принимает другой характер. Сумка на тележке дает возможность контроля над остальным реквизитом, декорациями, да и всей ситуации в целом.

Г.П. не считает свою деятельность попрошайничеством, она всегда говорит о ней как о работе: *«Мы с Жучкой поработали два часа», «Нужно работать каждый день, чтобы собака не потеряла навык».* Характерна поза собаки: складывается впечатление, что деньги собирает именно она, а не ее хозяйка. Собака сидит на задних лапах, и именно перед ней выставлено блюдо для сбора подаяний. На собаку «перекладывается» вся ответственность за сбор денег, и люди расплачиваются нередко с ней, например, приносят мясную требуху.

Для Г.П. важно, чтобы животное выглядело чистым и ухоженным. Она следит за тем, чтобы собака не скулила, так как такое поведение собаки может изменить все определение ситуации: если собака пляшет — ей хорошо, если скулит — ей плохо, а в таком случае прохожие могут расценить ситуацию как мучительную для животного, а вовсе не как развлечение. Чтобы избежать такого восприятия, Г.П. должна постоянно демонстрировать любовь к животному, выполняя все указания публики: погладить собаку, поддержать на руках, приласкать.

За время знакомства у нас сложились хорошие отношения, и я была в определенной мере допущена «за кулисы», где Г.П. обсуждала со мной проходящих людей, говорила о том, кто и сколько подал, считала деньги, придумывала для своей собаки новые наряды. Эти неформальные разговоры происходили, когда вокруг не было публики.

Я одновременно являюсь и зрителем спектакля на «авансцене», и свидетелем «закулисья». Как для исследователя-зрителя, на которого тоже нужно произвести должное впечатление, для меня был создан образ бабушки, единственной надежной кормилицы семьи, и если бы не внучки, она бы никогда не стояла в переходе. Эта роль постоянно подкрепляется «формальными», характерными для авансены, разговорами: что нужно купить девочкам, сколько стоят репетиторы, какие продукты в холодильнике. Забота о том, чтобы я восприняла ее «положительно», Г.П. пытается и для меня представить свою деятельность как работу, как шоу, отмечая, что она приносит людям радость: *«Главное, обратите внимание, главное — это радость, улыбка. Отметьте это в своей работе».* А неформальные разговоры — это те самые жалобы на прохожих, на настроение, на собаку.

При анализе взаимодействия нельзя исключить пространство, в котором оно происходит. Это — главная сцена. Г.П. «работает» со своей со-

бакой в подземном многолюдном переходе в центре города, и, как правило, всегда стоит на *«своем месте»*. По словам Г.П., это не значит, что оно кем-то закреплено, скорее это дело привычки. Она заботится лишь о том, чтобы соблюсти определенную дистанцию от других людей в переходе: *«Важен обзор. Жучку должны видеть издали»*. Однако другой мой респондент утверждает, что это очень важно — каждый день стоять на одном и том же месте: *«Тебя видят каждый день на этом месте, и тебе подают»*. Можно предположить, что образуется нечто вроде знакомства между просящим и подающим, которое создает предпосылку для подачи милостыни. Ведь знакомство ко многому обязывает, индивидам становится сложнее безлично относиться друг к другу, что характерно для большого города, о котором писал еще Г. Зиммель [18].

Само пространство во многом влияет на определение ситуации. Из-за «приличного» внешнего вида женщины многие прохожие не могут опознать в происходящем попрошайничество. Но поскольку место, общий контекст, так называемая «сцена», обязывают как-то интерпретировать ситуацию, некоторые думают, что Г.П. продает собаку и советуют отнести ее «ближе к цирку».

Спектакль Г.П. — это индивидуальный спектакль. Она работает независимо от остальных, присутствующих в этом переходе: нищих, которые исполняют роль нищих как таковых, музыкантов-профессионалов, женщин, торгующих носками и шапочками, тусующихся подростков, играющих на гитарах. Поскольку сама Г.П. оформляет свое представление как «работу», цирковое шоу, то дружеские отношения в подземном переходе у нее с теми людьми, которые также создают образ «работы», т.е. с профессиональными музыкантами и торгующими женщинами.

Однако мои наблюдения показали, что самоидентификация Г.П. вступает в противоречие с исполняемой ролью. Несмотря на презентацию своей деятельности как «работы», настоящего спектакля, который приносит людям радость, Г.П. осознает свою позицию как негативно оцениваемую в обществе. Обнаружить это мне помогло так называемое «стимулирующее наблюдение», при котором исследователь берет на себя активную роль во взаимодействии с объектом исследования и провоцирует респондента на какую-либо ответную реакцию. Предлагая помочь перенести ее вещи с одного места на другое, я неумышленно спровоцировала ее переживание: *«Вам же неудобно»*. Блюдце для сбора подаяний, собака в цирковом костюме довольно легко могли быть истолкованы окружающими как предметы из области попрошайничества. Прохожие могли принять меня за человека, который просит подаяние.* Эти слова свидетельствуют о понимании респондентом своего низкого статуса, хотя в обычной беседе это никак не артикулировалось. Роль «обедневшей интеллигентки, вынужденной просить на улице», — все же маргинальная роль. И сам спектакль, в котором она принимает участие, можно охарактеризовать в словах «стыдно», «не принято», «унизительно».

* Г.П. разрешила перенести мне сумку, о которой я уже писала выше, и которую можно определить как нейтральный реквизит, в то время как сама повела собаку в костюме.

Г.П. играет в своей жизни множество ролей в других спектаклях. Она не хочет, чтобы одни и те же зрители наблюдали разные роли, так как это может помешать впечатлению. Моя респондентка — не только обедневшая интеллигентка, просящая деньги в подземном переходе, она еще и бабушка, мать, хозяйка, принимающая гостей, учительница на пенсии. Однажды я наблюдала как Г.П. отвернулась (по крайней мере постаралась сделать так, чтобы ее не заметили), когда мимо нее проходили какие-то люди. Позже она объяснила, что это знакомые ее семьи из Швеции, которые накануне были у них в гостях.

До сих пор внимание уделялось одной стороне взаимодействия — нищим. Влияние прохожих на игру я проиллюстрирую при помощи другого примера. В этом же переходе «на животных» собирает еще одна женщина. Ее внешние данные не позволяют прибегнуть к ресурсам «возраста» и «нездоровья»: она молода и выглядит внешне здоровым человеком. Возможно, именно поэтому она никогда не стоит рядом со своими двумя собаками. Они просто привязаны к поручню и перед ними стоит блюдце. Для «зрителей» важно, как она обходится со своими собаками. Сбирать «на животных» эта женщина стала еще зимой. Тогда ее собаки выглядели очень плохо. Ее прогоняли как милиция, так и прохожие, обвинявшие ее в том, что она мучает и не кормит своих животных. По словам Г.П., эта женщина «поняла», как следует представлять себя при этом способе «заработка» денег: теперь ее собаки расчесаны и сидят на подстилке. Женщина выполнила заказ публики и отношение к ней изменилось — она стала получать больше денег.

Аналогичную ситуацию контроля публики над игрой актера я могу привести и на примере Г.П. Однажды одна из прохожих упрекнула ее в том, что собака хочет пить, а та ее не поит. После этого случая Г.П. поставила рядом с собакой блюдце с водой.

На материале, который был собран в работе с Г.П., была выдвинута гипотеза о возможности поддержания определенного уровня жизни при помощи «уличного заработка». По моим наблюдениям, в среднем в час бывает 18—25 подач милостыни, кладут по 1—2 рубля, довольно часто и по 5—10. Думаю, что за свой «рабочий» день (в холодное время года — это три часа) моя респондентка собирала до 60 рублей и выше. Эта цифра очень приближительна, и я предполагаю, что она может быть и значительно выше. Моя респондентка рассказывала мне, что иногда подают купюры по 50 рублей. Например, иностранцы, фотографируя собаку, «расплачиваются» более или менее крупными купюрами или валютой.* А во время празднования 850-летия Москвы она собирала по 800 000 рублей (неденоминированных) в день.

У этой женщины есть семья, к которой она приезжает на холодное время года из другой, вполне благополучной, части России, где у нее есть свой дом. Пока Г.П. живет зимой в Петербурге, она не снимает со счета свою пенсию. Работа в подземном переходе позволяет ей делать это. Ее внучка учится в довольно привилегированной музыкальной школе, и Г.П.

* Эти сведения приводятся по наблюдениям весны 1999 г.

в состоянии оплачивать ей репетитора благодаря тем деньгам, которые она получает на улице. Отсюда были сделаны выводы, что образ жизни этой семьи, пожалуй, нельзя отнести к образу жизни, свойственному *underclass*.

Роль «церковных нищих». В одном из петербургских храмов я наблюдала за церковными нищими. В период, когда проводилось исследование, там постоянно просили милостыню девять попрошаек. Это дало возможность наблюдать сотрудничество актеров в «команде», когда несколько индивидов заняты в постановке какой-либо отдельно взятой рутинной партии, и от ее правильного исполнения каждым актером зависит общее восприятие ситуации публикой [9, с. 115].

В отличие от зоны «свободного поведения» — подземного перехода, где индивиду предоставлено больше возможностей самостоятельно формировать необходимое ему пространство, сцену, роль, и где каждый имеет право на свой спектакль и несет ответственность сам за себя, «зона православного храма» — это жестко структурированное пространство, в котором нищему отведено строго определенное место — паперть. Институциональная структура обязывает нищих, просящих милостыню в церкви, к дополнительной ответственности. Промашка в представлении может привести не только к сбою индивидуального спектакля, вызвать сомнения в статусе индивида, но и вызвать сомнение в искренности, в идее самого института. Актеры несут ответственность не только сами перед собой, но и перед «могущественной» организацией. В случае несоответствия поведения человека нормативно ожидаемым в данном месте требованиям команда изгоняет его, лишая права «принадлежать» этому пространству.

Среди нищих за которыми я наблюдала в той церкви были такие, которых в обществе называют «мошенниками»: они имели квартиру, пенсию, льготы, семью, но приходили к храму и просили милостыню. В большинстве случаев все нищие на паперти имели друг о друге подобного рода информацию. «Имущественный ценз» лежал в основе деления на «своих» и «чужих». Но личная неприязнь, которая существовала между этими группами людей, не влияла на общий ход представления и выяснение отношений происходило только во время отсутствия публики.

В этой статье мне хотелось бы уделить внимание презентации нищей Н.В. Она нередко разрушает спектакль «неправильным» поведением, и обнажает таким образом структуру соответствующей роли. Роль «церковного нищего» накладывает на просящего человека ряд институциональных обязанностей, выполняя которые он создает свою роль «божьего человека». Так за каждую полученную милостыню «необходимо» креститься и благодарить подающего формулой: *«Дай Бог Вам здоровья»*. Случается, что прихожане помимо обычной милостыни подают еще и деньги на свечки, чтобы нищий поставил свечку и помолился за подавшего. Мне приходилось наблюдать, как нищие даже «отчитываются» за эти деньги. Однажды мы с Н.В. пошли в кафе недалеко от собора. Там Н.В. сообщила буфетчице, что она помолилась за такого-то по ее просьбе. Этот поступок

может свидетельствовать, с одной стороны, о ее постоянном контроле за своим поведением, соответствующим образу «божьего человека» даже на «нерабочем» месте. Хотя, с другой стороны, вполне вероятно и другая интерпретация: буфетчица ходит в церковь и видит там Н.В. как побирающуюся нищенку. Две различные ситуации взаимодействия определяют соответствующие ролевые установки как самой Н.В., так и буфетчицы: в кафе Н.В. — посетительница, а буфетчица — уже не прихожанка, а продавщица. Это два разных театра, и роль «посетительницы кафе» дискредитирует роль «церковной нищей». Поэтому реплику Н.В. можно истолковать как сознательную стратегию манипулирования публикой. Ситуация посещения кафе оказалась пограничной, и при переходе с одной сцены на другую стратегии манипулирования обнаруживаются особенно легко [9, с. 142 — 175]. Н.В. одновременно утверждалась в своей роли «нищей» и диктовала соответствующую роль публике: буфетчице было предопределено оставаться «прихожанкой собора, подающей милостыню», в совершенно другом институциональном пространстве.

Как уже было отмечено, Н.В. иногда нарушает заданный порядок, за что ее «штрафуют». Однажды Н.В. решила раскрыть публике-прихожанам обман в спектакле «Церковные нищие».* Она подошла к одной из «мошенниц» и сорвала платок с ее головы, крича, что та всех обманывает, и чтобы все посмотрели, что у нее под платком *«уложенная прическа!»*. За этот «промах» ее прогнали из церкви, лишив права просить милостыню. Под угрозой срыва оказался общий спектакль: *«Что могут подумать люди? Это же храм! Музей! А она тут развалилась пьяная! Драку затеяла»*. Впоследствии ей разрешили вернуться на паперть. За нее попросила Ю.С. Вдвоем с Н.В. они образуют группу *«истинных нищих»*, отделяя себя от других. Разрешение вернуться Н.В. получила от милиции и священников храма, но при этом Ю.С. поручилась, что та будет «хорошо себя вести», т.е. выполнять все правила, регулирующие ролевое поведение.

Проводя границу между собой и «неистинными нищими», а также демонстрируя соответствие роли «истинной нищей», Н.В. и Ю.С. о которой еще будет сказано далее, постоянно указывали мне, что только они одни из всех нищих моют паперть, что только они одни покупают пшено и прикармливают голубей — *«божьих птиц»*. «Мытье паперти», «кормление голубей» — все это элементы поведения, соответствующие статусу церковного нищего и подкрепляющие его. Через приобщение к религиозной символике («голубь — Божья птица») также проводится граница с «неистинными»: *«Наш голубь к нам даже внутрь заходил, но, видно, Хромоножка со Слепым его пнули, и он к нам теперь не заходит»*.

Анализируя сцену, декорации и реквизит, следует иметь в виду, что паперть — очень нагруженное смысловое пространство, институционально заданное как пространство для легитимного сбора милостыни. Человек может не использовать реквизит: ни детей, ни таблички, ни медицинские справки, но на него будет «работать» место, и он будет воспринят как

* Она была пьяна, что уже является очень серьезной промашкой.

нищий. Прихожанин готов к тому, что его на паперти «встретят» нищие." За просящего подаяние может быть принят любой. Так, я тоже однажды получила подаяние. Для этого оказалось достаточным в момент подачи милостыни находиться на паперти, где я разговаривала со своими респондентами. При работе в «поле» я не стараюсь быть похожей на своих информантов и мой внешний вид отличается от их внешнего вида, но вышедший из церкви мужчина стал подавать всем стоящим на паперти, а заодно и мне. Я автоматически передала эти деньги своим респондентам."

Другая информантка — Ю.С. — просит подаяние при том же храме, и исполняя ту же роль, должна быть «смиренной», креститься на каждую подачу и желать всем «счастья и здоровья». У этой женщины нет квартиры. По ее словам, ее обманули близкие родственники. Теперь на собранную милостыню она снимает комнату. Ю.С. около 50 лет, может чуть больше, но выглядит она старше. Возраст является одной из важнейших манипуляционных техник попрошаек. Она выглядит как «классическая богомольная» нищая. Одеты очень «инструментально»: теплая и темная одежда, обязательно темный платок на голове. Очень важно выглядеть опрятной. Вероятно, для публики-прихожан опрятный внешний вид является своеобразной гарантией «вложенных» средств, гарантией того, что деньги не пропьют.

Я ни разу не видела и не слышала, чтобы она не «выдержала» роли, вышла бы за ее границы. Своим поведением она заработала особое доверие служащих в храме. Так, я уже упомянула о том, что она могла вступить за выгнанную с паперти Н.В. По словам другого нищего, она пишет докладные на других попрошаек, считая себя вправе не только писать, но и ожидать, что к ее мнению прислушаются."*

Среди «церковных нищих» я познакомилась с одним из самых интересных и откровенных респондентов. С.В. выглядит как глубокий старик: у него седая всклокоченная борода и длинные волосы. На самом деле на момент наблюдения ему было всего лишь 52 года и он прекрасно понимал преимущества, создаваемые его образом старого человека. Как я уже сказала, возраст это очень важный «попрошайнический» ресурс. Н.В. рассказывал мне, что в какой-либо потасовке больше всего С.В. боится за свою бороду: «*Это же мои деньги*».

При знакомстве он очень охотно пошел на контакт и просто обескуражил меня фразой: «А я ее знаю. (Это обо мне. — М.К.) Я ее видел. Она там проходила. У меня хорошая память». Дело происходило на Невском проспекте, по которому ежедневно проходит несколько сотен тысяч человек. Оказалось, что это одна из манипуляций богатого набора, которым С.В. пользуется для того, чтобы произвести впечатление у публики-прохожих. Он апеллирует к несуществующему знакомству, обращаясь ко всем

* Для нищих заранее готовят мелочь.

" Очень интересна была реакция подавшего, после того как он понял, что ошибся: он был уверен, что глубоко оскорбил меня, приняв за нищую.

"" Мне не удалось выяснить, была ли это ее «официальная» задача, а боязнь «испортить поле» не позволила на том этапе исследования узнать это.

как к своим знакомым и привлекая к себе максимум внимания. «А вот мои колобочки идут. Здравствуйте!» — говорит он входящей в храм женщине с двумя детьми, которых до того ни разу не видел. Он сам инициирует знакомство. В результате на такое обращение женщина отреагировала, как им и ожидалось, милостыней. «Главное, что тебя знают. Он видит меня на этом месте каждый Божий день и подает мне». В структуре роли «божьего человека» СВ. разработал роль «добротного дедушки»: «Я стою у храма каждый день. Мимо детишки. Мы друг другу руками помашем. А нет меня, они — в слезы: «Где деда? А я пойду, конфет шоколадных куплю, ведь я покупаю, и даю детишкам. А матери мне по тысяче достают! А я стою, плачу и здоровья желаю». Механизм прост: как можно отказать нищему, который со слезами умиления дал твоему ребенку конфету?

«За кулисами» он похвально себя мастерством: «А что делать? Хочешь заработать, надо вертеться». Он с гордостью заявляет, что собирает больше многих других нищих. Сами нищие объясняют это следующим образом: «Еще бы, он людям в рот смотрит», — вероятно, имея в виду его навязчивость.

Именно он «научил» просить милостыню Н.В. Он сказал ей: «Зачем тебе бутылки собирать. Люди сами подадут. Просто стой и желай людям "счастья и здоровья вам!"» Ни Н.В., ни СВ. не прокомментировали, что значит «научить», существует ли своеобразная настройка на роль, передача секретов мастерства. Насколько мне удалось выяснить, в этих словах заключался смысл «надоумить», «привести к церкви». Мне пока не ясно, возможно ли кому угодно прийти к храму и встать просить милостыню. Поскольку на паперти существует довольно жесткая конкуренция, есть опасность, что новичка прогонят. О каких-либо силовых группировках, контролирующих эту церковь, я ничего не узнала, но слышала, что некоторые нищие обращаются к милиции, охраняющей этот храм (являющийся одновременно музеем), чтобы та приняла меры против «неугодного». Я предполагаю, что «научить» — значит привести к храму «по знакомству», «поставить напротив себя», замолвить слово перед другими нищими или кем-то еще.

Следующее представление я назову «убогие». Ее исполняют супруги, которые демонстрируют свои болезни и имитируют умственную отсталость. Роль «сырых и убогих» находится под особым покровительством института православной церкви, возводящей юродивых в статус «божьих людей», далеких от мирского.

На паперти этих людей очень не любят как «истинные», так и «неистинные» нищие, поскольку не выдерживают с ними конкуренции. Их стиль прошения милостыни, который остальные нищие называют «тявканьем», настолько эффективен, что многие уходят с паперти: «Пока я семь рублей заработаю, они — двести».

Авансцена такова: жена — женщина лет 50 — сидит на высоком табурете; муж стоит рядом, опершись на палку. У него очевидна какая-то болезнь глаз. Сама женщина хромает, и у нее всегда с собой документы, свидетельствующие об их инвалидности. Когда он слышит (а возможно и видит) приближающихся посетителей церкви, он начинает сильно дер-

гаться телом и монотонно произносить: «*Подайте слепому, подайте слепому!*» За эту фразу, которую он повторяет бесчисленное количество раз, его поведение и назвали «*тявканьем*». Выглядит он весьма жалко: в левой руке держит черную «авоську», и, когда проходит народ, приподнимает ее, привлекая внимание. Как говорила мне Ю.С., жена не разрешает ему сидеть, даже если он устает, потому что «*так его лучше видно*». Когда в храм входит группа иностранцев, она «*рекламирует его*» — показывает на него рукой, а он в свою очередь начинает еще громче произносить свой слоган. Примечательно, что для иностранной публики, входящей в церковь, у них заготовлено приветствие: «*Goodbyes.*'

У этой пары довольно широкий репертуар манипуляций публикой. Вероятно благодаря тому, что их роль находится под особой опекой церкви, да и благодаря самому институту церкви, сакрализирующей нищенство, они позволяют себе «наглое», «нахальное» поведение. Я была свидетелем следующей сцены: прихожанин подал женщине какую-то мелочь. Она посмотрела, сколько ей дали, и отшвырнула эту милостыню на глазах у подавшего. Интересно, что после такого не вяжущегося с общим представлением о должном поведении «смиранных божьих людей» действия, мужчина подал ей еще. Мне сложно истолковать причину дополнительной подачи. Я не имела возможности спросить подавшего о мотивах, которыми он руководствовался. Но, как мне сказала Ю.С., подобные поступки довольно часто практикуются этой парой.

В православии идее нищенства отведено определенное место. Вписанность в контекст православия дает основания нищему считать себя функционально значимым. С.В. рассказывал мне историю о том, как один священник, получив новый приход и церковь в здании которой до того располагалось государственное учреждение, позвал его за собой. С.В. объяснил это тем, что «*не будет нищего, Г"ТМ пропадет. Все будут думать, что это по-прежнему музей, а увид. нищего и зайдут*». Нищий определяет ситуацию. Он становится атрш.[^]гом церкви. Церковные нищие называют сами себя нищими и при этом нередко говорят о том, что они «*работают*». Если в случае Г.П., просящей деньги со своей собачкой, категория «работы» выступает как оправдательная тактика, позволяющая «сохранить лицо», у церковных нищих словом «работа» конституируется принадлежность к институту, вклад в «общее дело».

Роль «матери». Успешность каждой стратегии попрошайничества во многом зависит от выполнения нищим предписаний, обусловленных полом. Принадлежность к категории пола структурирует различные сферы социального опыта, а ситуации взаимодействия представляют собой сцену для изображения «истинно» мужского или женского. Исполнение нищим или нищей своей роли должно быть соотнесено с традиционным (для российского общества) разделением мужских и женских ролей. Женщина, просящая подавание, должна доказывать своим поведением,

' Они пытаются говорить с иностранной публикой на «их» языке, хотя это, вероятно, единственное английское слово, которое им известно.

что она «сущностно» женщина. Специфика роли не позволяет быть «неженственной». Женщина-попрошайка не может пить или курить на своем рабочем месте, хотя сигареты «разрешаются» мужчинам. Редко можно встретить женщину, которая просила бы милостыню демонстрацией увечий или уродств, что довольно распространено среди мужчин-попрошайек. Вероятно, женская привлекательность может быть использована только как некий позитивный, «присутствующий» ресурс.

Традиционно главной обязанностью женщины считается материнство. «Мать» одна из самых часто встречаемых и «уважаемых» ролей, которые используют женщины в спектакле «Нищенство». Чаше всего к этой стратегии прибегают женщины молодого и среднего возраста, хотя иногда можно встретить и «бабушек», рассказывающих, что их дочь умерла и у нее (у бабушки) теперь осталось пятеро детей.¹ Складывается впечатление, что женские ресурсы попрошайничества — это «присутствующие» ресурсы, мужские — «отсутствующие». Отклонения от образца идеальной женщины-«матери» допускаются значительно реже, в то время как «мужское попрошайничество» часто построено на отклонении от стереотипа мужского идеала «кормильца и защитника»: инвалиды — «не могу работать», отцы с детьми — «не могу прокормить семью» и проч.

В качестве иллюстрации типа попрошайничества «мать» я приведу случай респондентки В., которая просит милостыню вместе с ребенком. Дети в этих стратегиях являются главным сценическим реквизитом, относительно которого строится все действие. Свой статус В. маркирует положением тела: она сидит на асфальте и смотрит на прохожих снизу вверх. На ее руках сидит маленький мальчик. Ребенок даже в жару закутан так тщательно, что его возраст трудно определить. Кажется, что просят чуть ли не с грудным ребенком. На самом деле ребенку около 5 лет. Как для пожилых людей важно выглядеть очень старыми, так и для детей важно выглядеть как можно младше. Чем ближе человек к представлению об «абсолютной беспомощности», тем больше у него шансов собрать «хорошую» милостыню.

Элементы поведения В. характерны для классической попрошайки: она постоянно раскачивается, протягивает к прохожим руку (хотя перед ней уже выставлено пластмассовое ведерко). Если прохожий останавливается и ищет деньги, чтобы подать ей, то игра В. становится адресной: она протягивает руку уже к конкретному человеку, заглядывая ему в глаза. Интересно наблюдать, как во взаимодействии с прохожими В. активно привлекает тендерные ресурсы. Например, она кокетничает с проходящими мимо мужчинами: она улыбается им, выражение ее лица меняется, она уже протягивает руку не просто в пространство, а именно по

¹ Следует отметить, что мужчины тоже довольно часто используют ценность «отцовства». По, вероятно, чтобы эта презентация работала успешно, необходимо наличие других условий «общественного» характера, таких как безработица или нестабильная политическая (беженцы) или экономическая ситуация, которые могут снять ответственность с «не справившегося со своими обязанностями» мужчины. Ведь идея нищенства заключается в демонстрации безвыходности ситуации.

направлению к ним. Для разной публики В. использует разные техники манипуляции: для «русской» публики она крестится, апеллируя к православному состраданию, иностранцам показывает, что голодна, поднося руку ко рту: «есть хочу». В качестве дополнительного реквизита В. прибегает к помощи религиозной символики — иконы с изображением Богородицы. Соответственно этому реквизиту, В. должна постоянно креститься. Икона «уплотняет», нагружает происходящее новым пластом символических смыслов, апеллируя к особому покровительству. Возможно, молодая женщина выбрала не случайно именно этот образ, а не другого святого: Богородица — молодая мать.

Использование иконы именно как способа манипулирования публикой, без личного трепетного к ней отношения, становится видно «за кулисами» представления. Когда вокруг нет публики-прохожих, В. может «играть» с иконой. Превращение иконы в игрушку возможно лишь «за кулисами». Исполняя роль верующей, В. не может позволить себе подобных сцен в присутствии публики, на «авансцене». Переход с «авансцены» за «кулисы» выявил циничное отношение актера к этому виду реквизита.

У этой женщины одно из лучших мест в городе, недалеко от гостиницы и от крупных торговых центров, поэтому и публика здесь разнообразная. В период белых ночей В. работает с утра и допоздна. По ее словам, она получает иногда довольно большие деньги. Я видела, как мужчина протянул ей 15 рублей. В. сказала потом, что он каждый день дает ей крупные суммы: *«Есть люди, которые много дают. Один парень часто приходит после одиннадцати (вечера). И он подает по сто тысяч»* (неденоминированными). В. получает довольно много валюты в качестве милостыни.

К характерным для В. способам манипуляции я бы добавила и то, что В. позволяет себе просить милостыню «простоволосой». Как правило, женщины-попрошайки одевают на голову платок, который, вероятно, имеет особое функциональное значение: он помогает либо скрыть возраст, например, казаться старше, либо создать облик «смиренной женщины», необходимый для презентации нищенства, именно как смиренного прошения денег. Однако В. надевает платок, наверно, только если ей холодно. Возможно, что это сознательное манипулирование прохожими: она молода и она демонстрирует свою молодость. В ходе исследования выяснилось, что В. из Приднестровья, и что она приехала в Петербург с целым кланом родственников, которые также заняты уличным промыслом: недалеко от В. маленький мальчик играл на аккордеоне, а по поводу еще одной нищенки, которая представляла *«очень больную старую женщину»*, В. сказала, что *«эта — наша»*, имея в виду ее принадлежность к клану. Эта нищенка, о которой еще будет сказано дальше, специально скрывала свою «неславянскую» внешность.

• В. превратила икону в ширму, за которую «стыдливо» пряталась, когда недалеко от нее оказалась целующаяся пара. Поскольку в этот момент рядом не было публики, В. позволили себе расслабиться, «зайти за кулисы».

Все представители клана образуют команду, в которой спектакль каждого индивидуален. Если бы прохожие заподозрили, что на этом участке проспекта все нищие являются родственниками, членами одной команды, то, скорее всего, им бы стали подавать значительно меньше. То что сообщество все же существует, становится очевидно в процессе наблюдения: члены этой группы выработали совершенно определенные знаки взаимодействия, — коды, наличие которых можно обнаружить, когда оказываешься «в поле».

В. не определяет свою деятельность ни словом «просить», ни словом «работать». Она использует глагол «сидеть». В ходе исследования я познакомилась с еще одной молодой женщиной, хиппи, которая тоже просит деньги со своим ребенком. Она категорически отказалась от описания своей деятельности как «работы», скорее всего по идеологическим соображениям, поскольку хиппи не работают: «Я работаю? Я стою!» Она просит деньги около 8 лет, начала лет с 12, когда ушла из дома. Пока не было ребенка, она «подбегала» или «подходила» к прохожим. Но с коляской эта практика стала затруднительной, поэтому сейчас она «стоит». Но если для неформалки «СТОЯТЬ» — это характеристика особенного образа жизни, о котором она заявляет с определенной долей гордости, то для В. глагольная идентификация, скорее всего, является попыткой сохранить свое лицо, не называя вещи своими именами.

Роль «юродивой». С этой женщиной познакомиться лично мне не удалось. Я наблюдала за ней скрытно. Вероятно, в своем исполнении она обращается к образу «православной юродивой»: стоит на четвереньках, левой рукой при помощи палки опирается о землю, правой — крестится, постоянно трясет головой, имитируя болезнь Паркинсона. Для создания образа «не от мира сего» она соответственно одета: грязный серый рабочий халат, голова повязана платком, очень большие очки на завязках, которые вместе с платком закрывают лицо почти полностью. Перед ней в коробочке установлена небольшая иконка с изображением Богородицы. В эту же коробочку прохожие кладут деньги. На каждую подачу она крестится. Получаемые деньги она почти сразу складывает себе в карман.

Мне удалось быть свидетелем ее перехода с «авансены» за «кулисы». Это наблюдение показало, что все вышеперечисленные действия являются специально рассчитанной техникой манипуляции публикой. Я видела, как она покидала «авансцену»: она встала и пошла согнувшись, продолжая трясти головой. Но чем дальше она уходила от своего «рабочего» места, тем очевиднее были метаморфозы, которые с ней происходили. Постепенно она перестала трясти головой и выпрямилась. Ее манера почти полностью закрывать свое лицо тоже не случайна. Это я поняла из разговора с одной из прохожих женщин, которая ничего не подала, а просто стояла и смотрела на нее: «Почему ей подают? Они что? Не видят, что это — "черная" фашистка!» Оставляя за скобками ксенофобские установки моей собеседницы, отмечу следующее: сама нищая была из Приднестровья и принадлежала к тому самому клану, о котором было

сказано выше. Вероятно, внешне можно было определить ее иную, «нерусскую» этничность. Она сознательно маскировала ее, надевая платок и пряча лицо.

Заключение

Исходная посылка данной работы заключалась в том, чтобы рассмотреть феномен попрошайничества как социальное взаимодействие, возникающее в ситуации «лицом к лицу». Данный подход позволил отойти от традиционного истолкования попрошайничества в рамках социологии бедности, т.е. как стратегии выживания самых бедных слоев населения. В результате качественного (в методологическом смысле) описания, выполненного при помощи теоретической модели Э. Гоффмана, появилось следующее определение нищих: нищие являются символической группой, производящей некие символические действия, и организующей таким образом особое социальное пространство, «символическое поле», при создании которого очевидно оперирование социально значимыми категориями: здоровье (старость, и как следствие, недееспособность), работа, семья, дом. Символическое пространство, организующееся между просящим и подающим, — это пространство «мобилизации» и «работы» ценностей. Апеллируя к ценностям и рассчитывая в свою очередь на ценность милосердия, доброты со стороны «подающих», нищие активизируют символическое пространство, заставляя прохожих реагировать, интерпретировать увиденное и приходить к решению: подавать или не подавать.

Презентации складываются из структуры: социального, экономического, политического контекстов и совокупности индивидуальных ресурсов. Проблемная ситуация, представленная нищим, должна иметь макробоснование, т.е. быть понятной подающему. Апелляция к структуре происходит на основании личных ресурсов: пола, возраста, этничности, инвалидности и проч.

Вывод, который можно сделать, опираясь на приведенные примеры, заключается в том, что попрошайничество в современном трансформирующемся российском обществе не является типичной характеристикой *underclass*. Среди людей, просящих подаяние, встречаются представители разных социальных страт прежнего советского общества: учителя, музыканты. Нередко полученное образование могло бы позволить им найти другие способы заработка, например, репетиторство. Однако люди предпочитают более экономически выгодные тактики. Поэтому можно предположить, что попрошайничество ведет не к снижению социального статуса, исключению индивида из «большого общества», а наоборот способствует его социальной включенности, позволяет придерживаться в какой-то мере потребительских, материальных привычек прежнего стиля жизни. Иллюстрацией этого тезиса может послужить описанный здесь случай Г.П., просящей деньги в подземном переходе со своей собачкой. Доходы, получаемые от этого вида деятельности, позволяли оплачивать уроки ее внучки, учащейся в привилегированной музыкальной школе, или покупать концертное платье. Дан-

ные практики прямо противоположны как обыденным, так и научным представлениям о тратах нищих.

Литература

1. Dordick G.A. *Something Left to Lose: Personal Relations and Survival among New-York's Homeless.* Hardcover: Temple University Press, 1997.
2. Girtler R. *Vagabunden und der Grosstadt. Teilnehmende Beobachtung in der Lebenswelt der «Sandler»* Wiens. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1980.
3. Glasser I, Bridgman R. *Braving the Street: The Anthropology of Homelessness.* N.Y. / Oxford: Berghahn Books, 1999.
4. Dean H., Melrose M. *Easy Picking or Hard Profession? Begging as an Economic Activity // Begging Questions. Street Level Economic Activity and Social Policy Failure / Ed. H. Dean.* Bristol: The Policy Press, 1999.
5. Голосенко И.А. Нищенство как социальная проблема (Из истории дореволюционной социологии бедности) // Социологические исследования. 1996. № 7.
6. Голосенко И.А. Нищенство в России // Социологические исследования. 1996. № 8.
7. Смена. 1994. 10 авг.
8. Ильясов Ф.Н., Плотникова О.А. Нищие в Москве летом 1993 года // Социологический журнал. 1994. № 1.
9. Гоффман Э. *Представление себя другим в повседневной жизни.* М.: Лимбус, 2000.
10. Etzioni A. *Die faire Gesellschaft. Jenseits von Sozialismus und Kapitalismus.* Fischer, Tischenbuch Verlag, 1994.
11. Кравченко Е.И. Эрвин Гоффман. Социология лицедейства. М., 1997.
12. Бруннер К. Представление о человеке и концепции социума: два подхода к пониманию общества // Thesis. Т. 1. Вып. 3. 1993.
13. Бахтиаров А. *Очерки с натуры.* СПб.: Изд. Ф.И. Митюрникова, 1903.
14. Левинстим А.А. *Профессиональное нищенство, его причины и формы.* СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1901.
15. Прыжов И. *Нищие на святой Руси // Прыжов И. 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии.* СПб.; М.: Эзро-Интрада, 1996.
16. Нищенство // *Энциклопедический словарь.* Т. 21. СПб.: Издание А.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1897.
17. *Бродяжничество и попрошайничество // Юридический энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1984.
18. Simmel G. *Die GroCstade und das Geistesleben // Das Individuum und die Freiheit.* Berlin: Wagenbach, 1984.
19. Goffman E. *Interaktion und Geschlecht.* Frankfurt/M.; N.-Y.: Campus Verlag, 1994.